

*Арбуз.
Рассказы
про
счастье*

Мария Шемякова

Мария Шемякова

Арбуз. Рассказы про счастье

<https://litres.ru/73995159>

SelfPub; 2026

Аннотация

Где живет счастье? Оно — в запахе спелого арбуза в плацкарте, в случайной улыбке незнакомца, в тишине раннего летнего утра и даже в грустной встрече с прошлой любовью. Это сборник коротких историй о том, как светлое и радостное может прятаться в обыденном.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	22
Глава 5	25
Глава 6	32
Глава 7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Мария Шемякова

Арбуз. Рассказы про счастье

Глава 1

Арбуз

Это был конец июля. Поезд, плавясь от зноя, тащился на юг. Так начинался долгожданный отпуск, который Лиза собиралась провести у бабушки в далёкой южной казачьей станции, откуда родом был её отец.

В купе было душно и скучно до зевоты. Ехали всего четыре часа, но казалось, что они растянулись в вечность. Её соседями по купе оказалась трогательная семейная пара в возрасте.

— Котик, — мурлыкала женщина. — Не хочешь ли ты курочки?

— Нет, свет моих очей, — ласково отвечал ей мужчина. — Я вполне сыт, розочка моя.

Так она и стала их звать: Котик и Розочка. Был ещё с ними какой-то нелюдимый парень в тельняшке. Он ещё до отхода

поезда сразу завалился на верхнюю полку и делал вид, что спит. А может, и правда спал.

— Хорошо, — подумала она. — Будешь Морячок.

От скуки ничего не спасало. Сюда бы хоть какой-то мало-мальский сквознячок. Девушка вспомнила про журнал в сумке, вырвала из него страницу и соорудила себе вполне сносный веер.

— Это вы здорово придумали, — отметила Розочка. — Такая духота.

Лиза протянула ей журнал.

— Да что вы, вы же ещё читаете его, наверно.

Лиза замотала головой.

— Ой, спасибо большое! — защебетала соседка. — Котик, у тебя золотые руки, сделай и мне опахало, молю!

Котик с энергией шестнадцатилетнего юнца и грацией крокодила принялся складывать из журнальных страниц какую-то сложную конструкцию.

— Знаете ли, милочка, — обратилась к ней попутчица, — Евгений Сергеевич (вот как, оказывается, на самом деле звали Котика) — чемпион нашего НИИ по оригами. Он может из бумаги сложить даже дом.

Спустя минут десять сосед и правда представил на их суд чудо-конструкцию, которая больше походила на дирижабль, чем на веер. Но Розочка осталась вполне довольна. Так они и ехали ещё час, обмахиваясь своими бумажными поделками.

И вдруг Лизе нестерпимо захотелось арбуза. Холодного,

краснющего внутри, с чёрными косточками, плавающими в сахарной, манящей мякоти. Этот арбуз стал вдруг её наваждением.

Девушка еле дождалась первой нормальной остановки. Выскочила из вагона и понеслась бегом вдоль перрона мимо бабок в поисках вожаденного плода. Нашла! Счастливая, легонько побряхтывая, потащила заветный груз к вагону. И непонятно даже, почему она так торопилась: то ли ожидание так истомило, то ли проголодалась, то ли боялась, что состав тронется. Но вот он, её вагон.

«Какие же неудобные у нас поезда, — подумала она. — приходится взбираться, как на Джомолунгму!»

Вдруг состав легко дёрнуло. От неожиданности дёрнулась и Лиза. И раз — такой желанный, прекрасный, наверняка самый вкусный и спелый арбуз выпал из рук. Боже мой! Какая растяпа. Полосатый с глухим стуком ударился сначала о приступок, потом об асфальт, брызнув в стороны красными каплями. Проводница с бейджиком «Людмила Прокофьевна Самсонова» обидно фыркнула на неё и покачала головой — ступеньки теперь отмывай. Как обидно. Ужасно обидно.

В купе она вернулась с пустыми руками.

— Не было? — спросила Розочка, обдувая себя дирижаблем.

— Разбила, — всхлипнула она. И слёзы сами вдруг полились из глаз.

— Эх, — сказал Евгений Сергеевич. — Такое дело...

Они стали нестройно успокаивать плачущую Лизу. Но потеря была невосполнимой. Слезы ручьём лились по щекам, как будто ей не двадцать пять, а опять восемь, и она рыдает над разбитой любимой маминой чашкой.

Котик сбегал и смочил полотенце, Розочка размахивала своим глянцевым опахалом, в складках которого проглядывал какой-то российский поп-идол, малость перекошенный от такого интенсивного движения.

И тут в купе ввалился тот самый парень в тельняшке с верхней полки. В пылу страданий никто и не заметил, как морячок выскочил на перрон. Размашистым шагом он подошёл к купейному столику и водрузил на него огромный мокрый арбуз.

— О господи, — выдохнули все разом.

— Дак полно ж ещё времени было, — усмехнулся он. — До отхода ещё минут пятнадцать.

Он покрутил в руках пластиковые тарелки:

— Не пропадать же лету.

Молодой человек достал из кармана складной нож и ловким движением вонзил его в арбуз. Тот с вкусным треском раскололся на половинки, которые через минуту разделили на сочные ломти. И понеслось!

Они ехали, смеялись, ели арбуз, сок тёк по пальцам. Узнала Лиза, что парня того зовут Лёша и едет он к морю, а тельняшка на нём потому, что сам и правда из моряков. Розочку звали Надежда Петровна. Выяснилось, что вчера у пары

была свадьба после двадцати лет знакомства, а сегодня они с Евгением Сергеевичем едут в настоящий медовый месяц к морю. Молодожёны наперебой рассказывали истории из своей студенческой молодости, Лиза — про смешных коллег-айтишников, и даже молчаливый Лёша разговорился — про шторма, экватор и строгого, но справедливого капитана Федотова.

Арбуз был большой и сладкий-сладкий, сок лип к рукам, и никто не ругался за крошки.

До её полустанка, где поезд останавливался всего на две минуты, они доехали уже к вечеру. Лёше и супругам нужно было следовать дальше, до конечной. Расставались как добрые и давние приятели. Евгений Сергеевич по настоянию жены записал контакты Лизы в свою выдавшую виды коричневую записную книжечку. А Надежда Петровна обнимала её как родную.

Морячок как-то в моменте посерьёзnel и собрался. Сам подхватил её чемодан, помог выгрузиться на узкую платформу. А когда она уже стояла на перроне, быстро сунул ей в руку клочок бумаги, вскочил на подножку и скрылся в пасти душного вагона. Поезд тронулся, а парень уже высунулся из окна и долго махал ей рукой. И она махала, пока вагоны не растаяли в вечернем мареве.

Лиза развернула листочек.

«Обязательно позвони. Жду. Лёша», — а ниже девять заветных цифр.

Через железные пути она двинулась к стоянке автобуса. Руку приятно грела зажатая записка. И было ей так тепло и здорово. И она точно знала - этот отпуск будет самым замечательным.

Глава 2

Улыбка

С ней сегодня случилась маленькая радость. Ну не прям радость, конечно. Так, приятность. Но от этой самой радости-приятности так пахнуло весной и теплом в этот осенний день, будто внутри зажгли маленькое солнце.

Мужчина в трамвае — приятный, средних лет, в сером пальто с приподнятым воротником — вдруг неожиданно (она даже не сразу поняла, что это ей) моргнул. По-свойски, заговорщически и чуть насмешливо. А потом широко улыбнулся, и было в этой улыбке что-то такое задорное, мальчишеское, что невозможно было не улыбнуться в ответ. Будто он стащил яблоко в чужом саду и доволен собой. А она свидетельница этой отчаянной юношеской дерзости.

Внезапный солнечный лучик вырвался за тучу, ударил в стекло трамвая, пробежался по его лицу, задержался на её пушистых ресницах и остался здесь, и что-то внутри неё щёлкнуло и зажужжало — как старый проигрыватель, на который поставили любимую пластинку.

До дома оставалось еще несколько остановок. Мимо проплывали мокрые после дождя крыши, витрины, люди с зон-

тами — а она плыла меж ними в своём салоне-аквариуме, тёплом и сияющем. Выпрыгнув из трамвая, будто на крыльях побежала по влажной мостовой. Словно ей опять восемнадцать. И она радостно несет свою первую пятерку в зачетке похвастаться родителям.

В старую кофейню, где по современному сейчас на вынос давали вкусный кофе в высоких крафтовых стаканчиках с написанными от руки именами, она почти влетела. Замерев на мгновение, как в детстве, среди витых венских стульчиков под хрустальной люстрой, вдохнула запах ванили-шоколада и купила себе пирожные. Самые красивые и вкусные — с розочками, белоснежной и почти зеркальной глазурью, с заварным желтоватым кремом, который всегда норовит сбежать изо рта при первом же укусе. Потому что сегодня можно. Как-то интуитивно она разрешила себе, хотя последние полгода держала себя вдали от сладкого, тщательно высчитывала калории и только вздыхала над противно манящими витринами. Мужу тоже взяла корзиночку с ягодами, он такую любит.

По лестнице взбежала, словно и не было злосчастных 40+. Лифт удивленно смотрел ей в спину. Ступеньки пружинили под ногами, натертые временем перила приятно холодили ладонь, а лестничный пролет показался трудягой-роялем, где каждой плиточке-клавише отведена своя нотка, свой звук.

В квартиру она влетала, внося с собой энергию внезапно

обретенной весны, еще не растеряв озорной солнечный луч со своих ресниц. Порхая, пробежалась по комнатам — из прихожей в гостиную, из гостиной в узкий коридорчик, задела плечом штору, и та качнулась, будто тоже чему-то обрадовалась.

Зашла к мужу в кабинет. Тот что-то методично печатал в своём ноутбуке — ровный, сухой, серьезный. Кляц-кляц-кляц по клавишам, как метроном. Чмокнула его в затылок такой родной и привычный.

— Привет, — выдохнула она, плеснув на него золотом с ресниц. — А я пирожных купила. Твои любимые. Вот. Будешь?

— М? — Медленно, будто выныривая из глубокой воды, он поднял голову, рассеянно глядя на неё. — А, да, потом. Ты знаешь, я тут подумал... — он потёр переносицу, как делал всегда, когда хотел сказать что-то важное. И вдруг его лицо изменилось. Куда-то исчезла обычная усталая сосредоточенность, разгладилась складка между бровей. — Мы же с тобой столько лет вместе. 23 года? А я всё реже вижу, как ты улыбаешься.

Она замерла с пирожными в руке.

— Ты сегодня светишься вся. И знаешь... я так рад, — он улыбнулся ей просто и открыто, и в этой улыбке вдруг мелькнуло что-то знакомое и до боли родное, даже дыхание перехватило где-то. — Я так рад, что ты ещё умеешь вот так — от чего-то своего, маленького, светиться. Это так красиво.

И в этом вся ты, такая настоящая...

Она стояла посреди кабинета, сжимая в руках нарядную коробочку из старого кафе, и нежно смотрела на мужа. На его седеющие виски, на усталые глаза, которые сейчас глядели на неё так, как давно уже не было. И вдруг поняла: вся эта трамвайная история, этот случайный мужчина — это было только начало. А настоящее случилось сейчас.

Хорошо, что она донесла до дома свою маленькую нежданную приятность и эту улыбку — дурацкую, счастливую, от нечаянной радости.

— Пойдем на кухню, посплетничаем, — сказала она тихо. И голос чуть дрогнул.

И пока закипал чайник, она раскладывала по тарелкам самые вкусные и красивые пирожные, на которые только вздыхала последние полгода, и рассказывала, запинаясь и смеясь, про моргнувшего мужчину, про себя обалдевшую, про плывущий в дожде трамвай-аквариум и свою внезапную весну посреди обычного осеннего дня.

А муж, дослушав, вдруг взял её за руку и поцеловал в ладонь — просто так, без повода, первый раз за бог знает сколько времени. И подумалось ей — как иногда нужно совсем немного, чтобы всё вдруг стало по-другому. Просто моргнуть. Просто улыбнуться. Просто заметить.

Глава 3

Тонометр

— Вера, где мой тонометр?

Она не обернулась. Стояла у окна и смотрела, как во дворе соседские пацаны рьяно и почти отчаянно мучают футбольный мяч. Тот то и дело убегал от них, влетая в низкорослые щербатые кусты. И самый младший из игроков – рыжий конопатый мальчишка лет 9 – лез за ним, по-взрослому чертыхаясь и матерясь сквозь зубы, сплевывая, как делал, наверное, его отец. И было это так забавно и карикатурно, что хотелось рассмеяться. Но женщина сдержалась.

— Вера, я с тобой разговариваю! Где тонометр?

— В коробке с лекарствами, мама.

— И где эта коробка? Вечно ты всё перекладываешь!

Вера закрыла глаза. Сосчитала до пяти. Нет, надо до десяти. Восемь, девять... На десять она уже двигалась к коридору, где в нешироком проходе ухитрился уместиться допотопный громоздкий комод. На нем и стояла коробка с лекарствами и тонометром — впрочем она была тут последние пять лет. На одном и том же месте. Всегда.

Коробка была жестяная. На круглой крышке еще сохра-

нились рисунок и надпись “Huntley & Palmers, 1822 г”. По семейной легенде банку привез с войны прадед, но откуда у него взялось английское печенье – одна из семейных загадок.

Вера достала тонометр, протянула матери, которая семенила за ней по коридору. Та как будто брезгливо перехватила аппарат, и, сверкнув глазами, ушла на кухню, демонстративно хлопнув дверью.

...Сумка с вещами уже стояла у двери – старая спортивная, ещё институтских времён, с потёртым логотипом Adidas. В неё поместился нехитрый гардероб – джинсы, две футболки, белье и легкие босоножки. А еще любимое летнее платье. Голубое, в мелкий желтый цветочек. Лет ему, как и его владельце, было не мало. Но именно в нем Вера ощущала себя настоящей красавицей. И ничего, что “молодая была немолода”. Есть еще порох в пороховницах.

Вера хмыкнула: “Сегодня я ходячий цитатник.”

“Так, еще не забыть паспорт, зарядку.” Книжку не взяла — решила, что поедет налегке. Подумала и сунула в боковой карман фотографию дочери, ту, где Алинке пять лет и она смеётся, показывая дырку от выпавшего зуба.

Телефон завибрировал, прилетела эсемеска: “Океан сегодня тёплый. Я купил две желтых чашки в лавке у рынка, как ты хотела. Жду. Твой А.”

Вера перечитала сообщение три раза. Представила, как Антониу стоит на пороге своего домика под Лиссабоном, смотрит на океан и держит в руках две чашки. Одну — для

себя, вторую — для неё. Для Веры из города N, учительницы литературы, которая никогда не видела океана.

Дверь на кухне снова открылась.

— А почему ты дома, а не на работе?

— У меня отмена, мама.

— Отмена у неё... То отмена, то окно. В твоём возрасте окна только в пенсионном фонде бывают.

Мать продефилировала из кухни в свою комнату, неся тонометр как трофей. Вера смотрела ей вслед и вдруг заметила, какая мать маленькая и сгорбленная. Старый халат висит мешком, тапки стоптаны на один бок, седые волосы торчат во все стороны.

— Мам, — сказала Вера неожиданно для себя.

Мать обернулась:

— Чего?

— Ничего. Я тебя люблю.

Мать нахмурилась, подозрительно сощурилась:

— Ты чего это? Заболела?

— Всё нормально. Иди измеряй давление.

Мать постояла ещё секунду, глядя на дочь, потом махнула рукой и скрылась в комнате.

Вера посмотрела на часы. Четыре часа дня. До вечера, когда должна приехать дочь за вещами, ещё три часа. Три часа, чтобы передумать. Или чтобы не передумать.

Она подошла к книжной полке. Провела пальцем по корешкам. Толстой, Достоевский, Чехов, Булгаков... Рука оста-

новилась. Где же тот тоненький томик Ахматовой, подаренный её школьной учительницей тридцать лет назад, с автографом на форзаце: “Верочке, которая обязательно напишет свою книгу. С любовью, Елена Павловна”?

Книги не было.

Вера перебрала всю полку. Перетрясла стопку на тумбочке. Заглянула на антресоль. Пусто.

— Мама, где моя Ахматова?

Мать выглянула из комнаты, глянула на стеллаж, поморщилась:

— А, та... Да приходил вчера мужчина из соседнего подъезда, ну, который через три дома живет от нашей дачи, просил бумаги для розжига. У него баня, понимаешь. Я и собрала ему стопку. Журналы, газеты, книжки всякие старые. Твоя, что ли, там была?

— Моя. С автографом. От Елены Павловны.

— Ну и что? Подумаешь... Велика ценность. Сто лет ей, никому не нужна была, пылилась только. А тут Новую купишь, вон в интернете закажешь.

Вера молчала. Долго. Так долго, что мать занервничала:

— Чего уставилась? Сама держишь где попало, а я виновата. Нечего было по тумбочкам бросать. Убрала бы в шкаф — целая бы была.

Вера смотрела на мать и чувствовала, как внутри что-то обрывается. Не гнев. Даже не обида. Что-то другое. Какая-то последняя ниточка, которая держала её все эти годы.

— Ладно, мам, – сказала Вера тихо. – Я поняла.

— Что ты поняла? Ничего ты не поняла. Вечно ты со своими книгами, как с живыми. Лучше бы делом занялась, внуков мне еще родила, а то Алинка вон уезжает, а ты одна останешься. Кому ты нужна будешь?

Вера ничего не ответила. Пошла в прихожую, взяла сумку и открыла входную дверь.

— Ты куда? – крикнула мать.

— В магазин, мама. Хлеба купить.

— И кефира возьми! Только не тот, кислый, а “Просто-квасино”! И сдачу не забудь, ты вечно оставляешь этим проходимцам!

— Хорошо.

Вера вышла на лестничную клетку и аккуратно, без стука, закрыла за собой дверь.

Машина завелась со второго раза. Только на светофоре женщина заметила, что забыла выключить телефон. Тот разрывался: мать, дочь, мать, дочь, мать... Нажала на кнопку, и экран погас.

Дорога до аэропорта по пробкам заняла два часа. Музыка решила не включать. Вера ехала и слушала, как билось сердце. Оно стучало громко, как будто хотело выпрыгнуть и бежать впереди неё. На трассе остановилась у заправки, купила кофе и бутерброд. Жевала и смотрела на облака. Сегодня их несло на запад. Они явно куда-то торопились: летели, бились друг об друга, нагромождаясь в кучи, но упрямо продолжа-

ли свое движение к какой-то только им ведомой цели. Лето кончалось, пахло дождём.

На подъезде к аэропорту её вдруг охватила паника: “Господи! Что я делаю?! Что я скажу ему? «Здравствуй, я та самая Вера из интернета»? Что я по сути о нем знаю: что живет он пригороде в кондоминиуме на 6 семей, а из окон его квартиры на верхнем этаже виден Атлантический океан; что от деда ему достался в наследство небольшой домик с запущенной оливковой рощей и старым масленичным прессом и он мечтает переехать туда и вернуть жизнь семейному делу; что он любит детей и был не против занять еще двоих-троих. А и еще он купил им те самые две желтые чашки, как она хотела, солнечные и жизнерадостные, чтоб встречать с позитивом утро даже в самый серый день.

— А вдруг он женат? А вдруг он не тот, за кого себя выдаёт? А вдруг его вообще не существует?

Но было уже поздно думать: билеты в кармане, адрес она знает. “Сообщение «встречай, лечу» напишу перед вылетом”, – решила женщина и въехала на парковку. Машину бросила в самом дальнем блоке, почти в чистом поле, и пошла к терминалу. Сумка была лёгкой, почти пустой. Как и вся её жизнь последние лет двадцать.

В здании аэропорта было шумно, людно, пахло предвкушением и чужими чемоданами. Вера подошла к табло, нашла свой рейс – по графику, вылет через два часа. Встала в очередь на регистрацию.

Вспомнила про телефон, включила. Тот взорвался уведомлениями: двадцать пропущенных от матери, пятнадцать от дочери. И сообщения.

“Мам, ты где? Я приехала, а тебя нет. Бабушка орёт, что ты за хлебом ушла три часа назад. Ты чего?”

“Бабушка психанула, разбила тонометр и теперь требует новый. Говорит, ты специально сбежала, потому что тебе на неё плевать. Ты где?”

“Мам, я наврала про Рому. Я никуда не уезжаю. Я просто боюсь без тебя. Прости. Мы поссорились, я остаюсь. Приезжай, а?”

Вера уже хотела убрать телефон, когда пришло ещё одно сообщение. От матери. Короткое, без знаков препинания. Без “Христом Богом” и “прости дуру старую”.

“Я книжку твою нашла она под диваном лежала целая”

Вера замерла. Не сожгли. Не отдали соседу. Просто завалялась за диван, и мать её не заметила, когда собирала макулатуру. Всё это время лежала там, в пыли, целая и невредимая. С автографом Елены Павловны.

И мать нашла. И написала. Целых девять слов.

Она перечитала их раз пять. Потом представила, как мать шарит рукой под диваном, кряхтя, ругаясь, потом вытаскивает книжку, долго смотрит на неё, ищет в телефоне, как написать сообщение, и пишет это корявое, но такое...

Очередь подвинулась. Вера подняла глаза. Впереди оставалось два человека. Сзади напирали, кто-то вздыхал, рядом

капризничал ребёнок и просил мороженого.

Девушка на регистрации улыбнулась предыдущему пассажиру, взяла его паспорт, отметила в планшете билет: “Следующий”.

Вера опять посмотрела на экран телефона. Потом на табло с рейсами. Потом снова на телефон.

— Женщина, вы проходите или нет? — раздражённо спросили сзади.

— Ваш билет? — девушка на регистрации протянула руку за паспортом.

Надпись «Рейс Москва — Лиссабон» манила и звала вперед голосом менеджера в униформе авиакомпании. Позади истошно хлопала дверь выхода из аэропорта, за которой была её обычная жизнь: с пробками, разбитым тонометром, матерью, дочерью и книжкой, которая всё это время ждала её под диваном.

Вера зажмурилась и сделала шаг...

Глава 4

Спать

Она думала, что последнее слово останется за ней.

Взяла подушку, переложила на другой край кровати, накрылась одеялом с головой. В комнате было темно. Где-то за стеной в большой комнате тикали часы, хотя днем она их никогда не слышала.

Он остался там. В гостиной. В наушниках, перед экраном. Она представила, как он сидит в кресле, как свет от монитора планшета падает ему на руки. Представила и сразу выкинула из головы.

«Я ведь столько раз просила...»

Перевернулась на спину. Потом на бок. Потом снова на спину. Часы надрывно тикали и били по мозгам.

Она посмотрела на телефон. Экран был черным.

Утром на работу. Если она сейчас не уснет, то завтрашний день пойдет насмарку и его надо предстоить как-то пережить: голова будет чугунной, и кофе не поможет.

А он, наверное, сидит там, переживает. Может, она правда перегнула? Можно было мягче. Всегда можно мягче.

«Главное — не ложиться спать в ссоре».

Эту фразу она слышала от мамы. Или читала в журнале. Или придумала сама. Теперь эти слова висели, светясь, в темноте перед глазами, как запрещающий знак.

Села на кровати. Потянулась к телефону: «Так! Не унижаться. Просто написать. Разрядить. Одно слово. И смайлик».

Палец замер над экраном. Отложила трубку. Легла обратно.

В комнате было тихо. Слишком тихо. И даже тиканье куда-то пропало. Как будто она одна во всей квартире. Или вообще одна на всём белом свете.

«Не могу так».

Сердце билось где-то в районе ключиц. В груди давило. Она прокручивала их разговор, переставляла слова, пробовала другие интонации — поздно, поезд ушел.

Кто-то должен быть мудрее. Наверняка, она. И вообще, она сильная. Может уступить.

Если она сейчас не пойдет, если не сделает шаг А вдруг он уйдет?! Решит, что хватит. Или просидит там всю ночь, а утром соберет вещи. Или не соберет, но станет смотреть сквозь нее. И это будет хуже, чем вещи.

Встала резко. Пол был холодный. Пошарила босой ногой у кровати, но тапок не нашла. Пошла босиком. Коридор показался длинным, как вся предыдущая жизнь.

Он так и сидел на диване. В наушниках. На экране что-то

мелькало, какие-то машины, стрельба. Он обернулся, когда она вошла.

Села рядом. Край дивана чуть продавился под ней.

— Я не могу без тебя спать, — сказала она. — Наговорила сторяча. Прости.

Он сдвинул наушник на одно ухо.

— Что? А...Ладно, — сказал он. Потом обнял ее одной рукой, удерживая второй планшет. Поцеловал в лоб.

Закрыла глаза. Дышать стало легче - грудь перестало давить. И сердце успокоилось, как будто его накрыли теплым одеялом. Она прижалась к его плечу. Глаза слипались.

Она уснула прямо на диване, под свет монитора, под тихий звук стрельбы из наушников.

Утро, как и диван, показалось жестким. Глаза не хотели открываться. Шея затекла. А он уже ушел куда-то - на кухню или в душ.

Села, потрогала голову. Голова болела. Не так, как если бы она не спала вообще, но достаточно, чтобы не хотелось ни думать, ни говорить, ни тем более выяснять, кто вчера был прав.

Пошла на кухню за водой. Он уже был тут - сидел за столом, пил кофе, смотрел в телефон.

— Кофе будешь? — спросил он.

— Да. А у нас аспирин остался? — ответила она.

Глава 5

Терапия

— Я не справляюсь.

Светлана выстрелила признанием куда-то в стену за спиной психолога, и словно боясь передумать, еще раз, опустив голову, выдохнула еще раз: “Я не справляюсь”.

Как маленькая девочка, она сжалась почти вдвое в высоком кресле из желтого крепсатина. Ей было не стыдно – страшно. Казалось, что сейчас рушится последняя опора – образ идеальной женщины, который она приносила в этот кабинет уже третий месяц и никак не желала с ним расставаться. Женщины, у которой нет проблем и всё под контролем.

Спинка у кресла была высокая, сиденье мягкое и широкое. “Старожилы” любят забраться в него с ногами, некоторые еще и пледом укрываются. А Светлана, как тревожный воробей, сидела на краю, сжимая в пальцах носовой платок.

– Интересно, откуда у нее этот платок. Сейчас никто такими не пользуется, все перешли на бумажные. А этот белоснежный, даже с каким-то вензелем. Наверное, еще и вручную вышитым. Так, вернемся к клиентке, – подумала Лиза.

И подняла глаза на испуганную женщину, съёжившуюся в большом желтом кресле .

– У всех всё получается, – выдохнула Светлана в пространство. – У подруги вон трое мальчишек, и свое дело, и фитнес, и маникюр. А я с одним справиться не могу, и вообще я Иногда я просто хочу лечь и не вставать.

Елизавета молча кивнула. За двадцать лет практики она научилась слушать не только ушами. И сегодня даже кожей почувствовала: сегодня что-то не так. Света ходила к ней четвертый месяц, всегда собранная, всегда с блокнотиком, куда старательно записывала все её рекомендации. А сейчас в руках ничего не было. Только этот белоснежный платок с голубой вышивкой.

– Понимаете, я так устала быть сильной, – выдохнула Светлана, и голос её задрожал. – Устала быть понимающей. И ответственной За всех. За мужа, за ребёнка, за маму, за работу. И не могу признаться мужу, что я не тяну. Работа меня добивает. Ненавижу эти отчёты, но не могу сказать начальнице «нет», потому что я же хороший сотрудник.

Клиентка замолчала, опять переключив свое внимание на платок. Зачем-то развернула его на коленках и стала старательно разглаживать. И добавила тише:

– Вчера я сидела в машине возле дома. Полчаса. Или даже больше. Просто сидела и смотрела на дверь подъезда. Думала: вот сейчас зайду – и начнётся. «Мам, дай поесть». «Свет, ты не видела мои носки?». А я не хочу ничего видеть, ничего

делать. Хочу, чтобы кто-то решил за меня. Хотя бы что сегодня будет на ужин. И в результате я сижу в этой дурацкой машине, без сил и желания идти домой.

Лиза слушала. Где-то на периферии сознания мелькнуло: сыну нужны кроссовки, муж хотел обсудить летний отпуск, который она так и не спланировала.

– Мы с мужем познакомились на первом курсе,-- продолжала Светлана, глядя куда-то в сторону. – Он был такой уверенный. Знал, чего хочет. А я я просто плыла по течению. И когда мы стали серьёзно встречаться, он мне сказал

Тут она запнулась, сглотнула.

– Сказал: «Я хочу жену-партнёра. Не капризулю, а человека, с которым мы вместе будем строить будущее. Который разделит со мной всё. И быт, и деньги, и ответственность». Так и сказал. И так гордился этим. Современные отношения, равноправие, всё честно.

Лиза чуть наклонила голову.

– И что вы ответили?

– Я испугалась, – выдохнула Светлана. – Испугалась, что если скажу «нет», если признаюсь, что я хочу быть просто любимой, просто слабой, просто девочкой, – он подумает, что я не та. Не подхожу ему. И уйдёт. Или найдёт ту, которая «партнёр».

Женщина на секунду прикрыла глаза .

– И я сказала: «Да, конечно. Я тоже этого хочу». И вот уже восемь лет я играю эту роль. Ташу., стараюсь. Конечно, я же

партнёр. Надёжный тыл, член команды. А внутри Внутри я просто хочу, чтобы он взял меня за руку и сказал: «Расслабься, я всё решу».

Светлана замолчала, сжимая платок.

– Но если я сейчас скажу ему правду, – тихо добавила она, – то окажется, что я врала ему все эти годы. Что всё это время я притворялась. И не та, за кого себя выдавала.

– А вы та? – спросила Елизавета.

– Не знаю, – прошептала Светлана. – Наверное, уже и не помню, какая я настоящая. Я устала быть партнёром. Не хочу больше быть товарищем: ни по быту, ни по работе. Вот бы залечь под одеяло и чтобы кто-нибудь принёс мне чай, погладил по голове. И сказал: «Ты полежи, отдохни».

И женщина расплакалась – лицо ее быстро намокло от слез, но и плакала она беззвучно. Словно и здесь пыталась спрятать свои рыдания за маской благопристойного плача.

– Как ему сказать, что я не справляюсь, — повторила она. — И я не могу быть той, кем обещала стать.

Света вспомнила про истерзанный платок в руках, промокнула им глаза и вдруг замерла, всматриваясь в лицо психолога.

– Можно глупый вопрос? – спросила она. – А вы хорошо спите?

Лиза от неожиданности моргнула.

– Простите?

– Ну, у вас глаза Такие же, как у меня в зеркале по утрам.

Я просто подумала— Светлана смутилась и снова уткнулась в платочек. — Извините, это не моё дело. Просто вы так хорошо меня понимаете. Иногда кажется, что только тот, кто сам прошел это, может так понимать.

Вот что тут ответить? - пришлось только понимающе кивнуть и углубиться в чтение собственных записей.

Пауза затягивалась. Елизавета стряхнула ее как наваждение и потом минут десять говорила правильные, выверенные фразы про право пересматривать договорённости, что партнёрство не отменяет слабость и нежность к себе, а честность с собой обрести часто страшнее и сложнее, чем откровенность с мужем. Слова были верные, тёплые, профессиональные.

Светлана слушала, кивала, вытирала слёзы и опять кивала. Постепенно её дыхание выровнялось.

— Спасибо вам, — сказала она на пороге, уже в пальто. Взгляд был уставший, но живой. -- Я попробую. Просто скажу ему: «Я устала быть сильной. Я восемь лет притворялась. Можно я теперь просто буду собой?»

— Обязательно попробуйте, — улыбнулась Лиза — Всего доброго.

Дверь закрылась и в комнату каким-то ватным комом ввалилась тишина. За стеклом моросил грустный осенний дождь. А она разглядывала своё отражение в окне, наложенное на мокрый асфальт. На глаза. Пустые. Точно такие же, как у Светланы полчаса назад.

Сын ноет о новых кроссовках уже месяц. Дочка с утра нагубила. А муж вчера спросил, помнит ли она, когда у них в последний раз был разговор не о быте. Лиза не помнила. Вот про клиентку на завтрашнее утро помнит. И про родительское собрание вечером. И что надо ещё доделать за заболевшую коллегу отчёт для центра, потому что она же ответственная, она профессионал, она не может подвести.

На тумбочке зазвонил телефон. Муж. Женщина взглянула на экран. А потом на своё отражение в стекле. На хмурое небо. Прижалась лбом к холодному стеклу и закрыла глаза.

Ей сорок три. Она психолог. Помогает людям находить опору. Знает правильные слова.

Но почему же прямо сейчас ей хочется забиться под одеяло, чтобы кто-нибудь принёс ей чай и погладил по голове.

– Господи, – прошептала она одними губами. – Я так устала быть правильной и сильной. Можно я тоже побуду просто девочкой.

Капли дождя стекали по стеклу.

Телефон на тумбочке снова зажужжал – это муж прислал сообщение. Наверное, напоминает про то, что в выходные к ним приедет его мама.

А Лиза продолжала стоять у окна и смотрела на грустящий серый город... Сорок три. Двое детей. Десятки пациентов. И никого, кто предложил бы снять с неё эту ношу.

Хотя бы на час. Хотя бы на минуту.

– Я не справляюсь, – сказала она вслух пустому кабинету

и села в большое желтое кресло.

Глава 6

Призраки

Какой же скучный этот город N. В командировку сюда он ехал без всякого интереса и желания — работа, бесконечные бумаги, скучные серые лица. Всё как обычно.

Крошечный номер дешёвой гостиницы, в которую он заселился, окнами выходил на автостоянку. Полупустую и такую же унылую, как этот поганый городишко. Вечерами моросил грустный дождь, и этого тоска становилась совсем уж невыносимой. Ему было за сорок. Казалось бы еще ого-го. Но он не любил свой возраст: эти странные цифры царапали душу и напоминали о никчемности прожитых дней.

В один из таких безрадостных вечеров решил поужинать в единственном приличном ресторанчике этого захудалого городка. Забегаловка, конечно, не ресторан, закусочная. Пустой потасканный зал, еле тёплый ужин. Красное крымское вино откровенно кислило. Чуть слышно играла какая-то музыка — неопределимая на стиль и происхождение. Мысли текли вяло, как расплавленный воск по тёмному стеклу копейного подсвечника на столике, за которым он решил про-

вести остатки этого вечера. В гостинице его никто не ждал, да и там дома, чего греха таить, тоже.

И тут вошла Она.

В тёмно-бордовом платье из тяжёлого шёлка, длинном, почти до щиколоток. Ткань мягко мерцала в приглушённом свете, облегла тонкую талию и, струилась как легкая вода по камням горного неторопливого ручья. Волосы — тяжелые, с глубоким каштановым отливом — собраны в небрежный, но изящный узел на затылке, и только одна тонкая непослушная прядь выбилась и легонько поглаживала полуобнаженное заманчивое плечо. Женщина несла себя так, будто этот ресторан был её личной гостиной — спокойно, гордо, чуть устало.

Дама (именно так он решил ее называть) села за столик у окна, и свет лампы мягко упал на её грудь, высветил тонкие кисти рук, которые она сложила перед собой. Она рассеянно листала меню, иногда водя пальчиком по строкам, иногда легко и забавно приподнимая брови. А он смотрел и не мог отвести взгляд. Что-то неуловимо знакомое было в её осанке, в том, как она поправила волосы, в повороте головы.

И вдруг сердце забилось часто и больно, как не билось уже много лет. Он узнал её. Та, которую он любил когда-то. Та, которую оставил. Тогда, в другой жизни, когда он молодым и глупым.

И воспоминания нахлынули — яркие, живые, обжигающие. Он вспомнил их последнюю встречу: как долго ходили

по городу, держась за руки и не желая расставаться. Был летний вечер, но внезапно начался дождь — тёплый, крупный, стеной. Они спрятались под пластиковым козырьком какого-то магазина. А девушка звонко смеялась, стряхивая капли с волнистых каштановых волос, и её мокрое лицо было таким трогательным, таким беззащитным и красивым, что у него перехватывало дыхание. Подставив ладони под дождь, она посмотрела на него и сказала: «Как жаль, что нельзя остановить время». Он ничего не ответил. А через неделю исчез.

Тогда ему казалось, что впереди — новая, большая, красивая жизнь. Другие города, другие женщины, другие впечатления. Ему было мало того, что есть сейчас, хотелось всего сразу, целиком, без оглядки. Он думал, что любовь можно отложить на потом, как пока ненужную вещь, а потом вернуться и забрать. Думал, что она подождёт.

Не подождала. Исчезла. Просто выпала из его жизни, как будто её и не было. Хотя чего уж лукавить, это он бросил её.

Конечно, он вспоминал её. Иногда. Нечасто. В редкие минуты откровенности с самим собой. Смех, мокрые от дождя волосы, преданные большие серые глаза. Но воспоминания эти были где-то глубоко, на самом дне души, куда он давно старался не заглядывать.

И сейчас, глядя на неё в двадцати шагах в полупустом зале этого захолустного ресторана, он вдруг с ужасом понял, что той большой, красивой жизни так и не случилось. А она

— была. Живая, настоящая. И сейчас сама судьба вернула её в его серую жизнь: в этом шелковом дорогом платье, красивую, недостижимую.

Он встал, подошёл к её столику. Ноги были ватными, в горле пересохло.

— Простите, — начал он. — Я не мог не подойти. Вы... вы не узнаете меня?

Она подняла на него глаза. Красивые, спокойные, чуть удивлённые. Такие знакомые ему серые большие глаза. Всмотрелась.

— Извините, — сказала она ровным, вежливым голосом. — Едва ли. Вы, наверное, ошиблись.

Это был удар под дых. Он растерянно заморгал. Начал бормотать что-то про общих знакомых, про юность, давние годы, первую любовь и про дождь. Но лицо её оставалось непроницаемым. Вежливая холодная маска, за которой — ни грамма участия.

— Нет, думаю, вы всё-таки ошиблись, — мягко, но твёрдо повторила она, вежливо и даже как будто бы чуть с досадой улыбнулась и опустила глаза к меню.

Он постоял ещё мгновение, потом сгорбился и, чувствуя себя жалким и убогим, посерел и побрёл обратно к своему столику. Быстро, почти не чувствуя вкуса, доел остывшее мясо, допил вино, расплатился и ушёл, не оглянувшись.

Дверь за ним закрылась.

Она осталась одна.

И только тогда её лицо изменилось. Губы дрогнули, глаза наполнились болью. Она узнала его. Конечно, узнала. С первой же секунды, как только она вошла в эту дурацкую забегаловку. Ведь рестораном это место трудно назвать.

Это лицо она носила в себе столько лет, почти сколько себя помнила. Тот, кого она ждала. Мужчина, который разбил ей сердце и ушёл, не сказав «прощай».

Зачем она только остановилась в этом городке. И машина эта дурацкая. Нашла где сломаться. И наверняка они оба остановились в одной гостинице, которая на въезде. Вряд ли в этом захолустье два отеля. Даже ресторан тут один.

Она сидела неподвижно, глядя на дверь, за которой он скрылся. Потом медленно подняла руку, подзывая официанта.

– Принесите мне кофе, пожалуйста, — сказала она тихо. И добавила, помедлив: Чёрный, без сахара. Крепкий.

Тот самый кофе, который он любил когда-то. А она ненавидела всю жизнь — горький, терпкий, обжигающий.

Молодой человек в несвежей белой рубашке принёс чашку. Она сделала глоток. Кофе был неприятным, как и то, что она только что пережила. Впрочем, как все те чувства, которые носила в себе столько лет.

Удивительно, как он изменился — нелепый, с потухшим взглядом, какой-то облезлый и жалкий. Просто очередной потрёпанный командировочный. Призрак далекой юности, преследовавший её десятилетиями, за минуту рассыпался в

прах.

Она смотрела в окно на скорбящий дождь, и внутри неё что-то отпускало, таяло, уходило навсегда. Ещё глоток. Сморщилась. Но продолжала пить, потому что хотела дожевать эту горечь до конца. Но теперь она чувствовала в этом неприятном привкусе что-то другое. Свободу.

Расплатилась. Официант засуетился у столика. И тут боковым зрением у другого окна, в тени большого фикуса, она заметила девушку. Совсем юную, лет восемнадцати-двадцати. Прозрачную и тоненькую как эльф. Перед ней тоже стояла чашка кофе, похоже давно остывшего.

Девчушка не смотрела по сторонам. Взгляд её был прикован к входной двери. Было видно, что ждёт. И похоже давно. Так, как когда-то умела ждать только она сама. С замиранием сердца, с надеждой, с этой дурацкой верой в чудо.

Женщина смотрела на неё и видела себя. Свои двадцать лет. Себя — ждущую под дождём на скамейке у сквера.

Медленно с грацией взрослой кошки она поднялась, взяла сумочку и подошла к столику девушки. Та вздрогнула, подняв удивленные глаза на человека, который посмел прервать томящее её ожидание.

— Извините, — тихо сказала Дама. Голос её звучал мягко, но твёрдо. — Я не знаю, кого вы ждёте. И придёт ли он. Но я хочу вам кое-что сказать. Просто запомните.

Девушка взглянула на неё с тревогой.

— Никогда не ждите того, кто не пришёл вовремя, — жен-

щина чуть наклонилась, заглядывая в эти молодые, наивные глаза. — Жизнь слишком коротка, чтобы тратить её на призраков. Если человек ваш — он будет сидеть напротив, а не искать слова оправдания почему опоздал или не смог вырваться.

И улыбнувшись одними уголками губ, она, не оглядываясь, пошла к выходу. Юный эльф осталась сидеть, растерянная и потрясённая.

А за дверью ждала улица и свежая пахнувшая мокрым асфальтом ночь. Дождь кончился. Тонкая прядь волос — та самая, что постоянно выбивалась из причёски — сейчас упала ей на лицо,. Она убрала её лёгким, почти ребячьим движением, и пошла по пустынному городу. И с каждым шагом ей становилось легче. Легче дышать, легче жить.

Глава 7

7 дней

Она перестала оглядываться на телефон только на четвёртый день.

В первые часы примеряла на себя тишину, как неудобное платье. И это беззвучие колело, тревожило и выводило её из себя. Было страшно выпустить аппарат из рук. Что-то болезненно щемило в груди, холодило и жгло одновременно — хотелось написать самой. Но какая-то невидимая царапина в душе тормозила её, вымораживала и не давала скатиться в оправдания.

Сначала было недоумение. Раз за разом она по кругу перечитывала их переписку и пыталась найти триггер. Где споткнулась? В какой фразе? Может, надо было промолчать или наоборот объяснить?

Потом пришла злость. Короткая, злая, как летняя гроза. Да пошел он... С чего это он решил, что самый умный?! Думает, что я буду бегать.

А потом буря утихла. И в наступившей тишине она вдруг услышала то, чего не слышала раньше — собственное дыха-

ние. Живое, настоящее. А ведь раньше казалось, что дышать можно свободно только с ним.

На третьи сутки немного отпустило. Смартфон переключал из рук на прикроватную тумбу. И лежал там экраном вниз, как нашкодивший кот, который притворяется спящим.

— Как глупо! Хотя Может ли вообще быть ссора умной?! Три дня мною управлял этот красивый пластиковый кирпич. Интересно, когда он превратился в пульт управления моим настроением?

За окном ветер настойчиво и нетерпеливо теребил верхушки июньских зеленеющих тополей.

Ожидание на самом деле отнимает много сил. И оно максимально бессмысленно. Это как стоять на перроне, когда поезд ушел, а ты всё вслушиваешься в тишину путей.

Момента, когда перестала ждать, она не заметила. Кажется, это случилось именно на четвертый день. Просто однажды утром обнаружила себя без телефона, но зато с кофе и пультом от телевизора на любимом зелёном диване. И ей это понравилось.

Потом блестящий золотистый аппарат переключал в прихожую на комод. Протирая жёсткие зелёные листья фикуса, она вдруг поймала себя на мысли, что уже минут десять думает только о том, что нужно обновить к лету эту разочаровавшуюся скучную занавеску. Пустота в сердце затягивалась.

— Интересно, думает ли он обо мне сейчас?

А он думал Сидя в машине на перекрёстке и смотря как мигает светофор. И чувствовал себя огранщиком алмазов. Терпение — это великое искусство. Как воспитание. Все великие педагоги — мужчины. Корчак, Выготский, Макаренко. Женщин, как и детей, нужно держать в тонусе. Должна же она понять, что все её выходки имеют цену. Уверен — напишет сама. Они всегда пишут.

На пятый день она разобрала шкаф, освободила стеллажи. Выкинула старые футболки, перебрала книги. Покрутилась перед зеркалом в любимом платье, забытом когда-то в дальнем углу шкафа. Движение помогало закрепить внутри новую географию. Там, где раньше была трясина, теперь простиралась ровная, спокойная равнина. Злобы не было. Со всем не было. Злость — это ведь тоже зависимость. Пришлось даже замереть на 5 минут и покопаться в себе: да, её больше нет в том месте, где оставили.

Смс пришло на шестой день. Пауза затянулась, пора спускать шлюпку на воду, — решил он.

— Привет. Как ты? Я тут был сильно занят. Но думал о нас.

Она посмотрела на экран. Раньше его слова звучали бы как музыка. А сейчас она примеряла их на язык, как странные конфеты, что дают в самолете перед взлетом, и чувствовала привкус жести. Эмоций не было. Ни обиды, ни радости, ни привычного напряжения.

Солнце светило в окно. На подоконнике стоял пересажен-

ный цветок. Чай в чашке ещё не остыл. А на улице, за только что вымытым до блеска окном, ветер гонял по асфальту взъерошенный тополиный пух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.